

Лаврентьевы

Тридцать минут по шоссе от Новосибирска до Академгородка, поворот под мостом у стелы с надписью «Новосибирский научный центр» – и вы уже мчитесь среди стройных мачт сосен, за которыми прячутся корпуса, где делают настоящую науку. И пошли названия остановок: «Институт теплофизики», «Вычислительный центр», «Институт ядерной физики», «Институт гидродинамики», «Дом ученых»... Выдающийся математик Михаил Алексеевич Лаврентьев назвал этот город делом своей жизни, поставив его выше своих открытий. И надо признать, город науки у него получился гениально.

Анжелина ДЕРЯБИНА

Начало

Свою фамилию прославившаяся впоследствии династия ученых-математиков Лаврентьевых получила не по наследству. Алексей Лаврентьевич Лаврентьев, Мишин отец, профессор Казанского, а затем Московского университета был незаконнорожденным. Он появился на свет в Париже в 1875 г., куда его мать отправили рожать, а фамилию и отчество получил от имени священника Лаврентия, крестившего его в одном из парижских соборов. Алексей Лаврентьевич не знал матери, воспитывался в чужой семье. Детство его было тяжелым, и об этом времени он никогда не говорил. «Происхождение Алексея Лаврентьевича таинственно, – рассказала консультант группы прессы президиума СО РАН Наталья Притвиц, хорошо знавшая академика и его семью. – Михаил Алексеевич никогда специально не интересовался этим вопросом, но внук его, Алеша, нарушивший семейную традицию – он не математик, а филолог, – был в том соборе, где крестили прадеда, хотел разузнать что-нибудь о его матери. Однако это ему не удалось».

Родители будущего академика поженились в 1895 г., причем мать была старше отца на 12 лет. В 1900 г. родился Миша. В 1910 г. Алексея Лаврентьева командировали на два года за границу, в крупнейшие в то время мировые научные центры – Геттинген и Париж. «В Геттингене меня устроили в немецкую школу, – писал в своих мемуарах «Опыты жизни» Михаил Алексеевич. – Язык я знал совсем плохо и, хотя мне было 10 лет, попал в первый класс. В школе я оказался в изоляции, на меня показывали пальцем – russe, russe. Однажды, когда я допустил несколько ошибок в диктанте, учитель несколько раз больно ударил меня линейкой по спине. Во время перемены мои одноклассники, рассчитывая на снисхождение учителя, начали давать волю кулакам. Я пришел в ярость и начал лупить мальчишек и кулаками, и ногами. Больше я в школу не ходил, мне наняли учительницу – фройляйн Ротт. Каждый вечер отец читал мне по-немецки сказки братьев Гримм. К весне я уже сносно понимал и говорил по-немецки...»

В Геттингене родители познакомились с русскими математиками. Собираясь в доме Лаврентьевых, они говорили о научных проблемах, о лекциях крупнейших ученых – Гильберте, Рунге, Прандтле. Один из друзей семьи – Николай Николаевич Лузин, создавший впоследствии

первую в России крупную математическую школу, из которой вышел Лаврентьев и многие другие выдающиеся российские математики XX в., – любил задавать мальчику задачки. Например, можно ли повалить фонарный столб малыми толчками... «Наверное, с того времени и я приобрел вкус к подобным задачам. Теперь, когда через мои руки прошли сотни ребят и молодых людей, идущих в науку, я твердо убежден: нет ничего лучше для опробования интеллекта, чем попытка решить с виду простые житейские задачи», – писал Лаврентьев.

Об этих знаменитых задачках академика вспоминал и его внук, Михаил Михайлович Лаврентьев-младший, декан факультета информационных технологий НГУ, ведущий научный сотрудник Института математики СО РАН: «Свои задачи он задавал всем, не только мне. Касались они не математики, а, скорее, механики. Не надо было знать ничего специального, требовалось лишь проявить смекалку. Я вырос в такой атмосфере, что передо мной никогда не стоял вопрос выбора, чем заниматься: мне казалось – только математикой...»

Затем Лаврентьевы уехали во Францию и поселились на бульваре Порт-Роял, недалеко от Сорбонны. К этому времени математические способности Миши Лаврентьева проявились уже достаточно ярко. Например, даже повзрослев, он помнил, что в ту парижскую квартиру на шестом этаже вели 120 ступенек. Мальчик мог часами в одиночестве бродить по Парижу. Во время своих прогулок он изучил город, запомнил сотни названий улиц. Франция оставила в душе Миши Лаврентьева неизгладимый след. В преклонные уже годы председатель Сибирского отделения Академии наук СССР сделает своим ученикам и коллегам подарок – организует для них, поднимающих науку в Сибири, поездку в город вечного праздника.

Как превратить мечту в реальность

Лаврентьев начал создавать Академгородок уже состоявшимся ученым, в весьма зрелом возрасте. Его научные достижения актуальны по сей день. Например, одно из открытий Михаила Алексеевича, сделанное в 1945 г., сегодня применяется при производстве некоторых видов оружия. Прежде все попытки объяснить эффект пробивания брони так называемым кумулятивным зарядом были тщетны. Идея Лаврентьева была настолько оригинальна, что ученого, выступившего в Академии артиллерийских наук по данной теме, просто осмеяли. И действительно, кому могло прийти в голову, что при огромных давлениях, возникающих при взрыве противотанкового кумулятивного снаряда, металл ведет себя как идеальная жидкость?

Неожиданные решения вообще были свойственны Лаврентьеву. Может быть, этому в какой-то мере способствовала Лузитания – знаменитая научная школа Лузина при МГУ. Из 20 лузитанцев, ядра школы, половина стала академиками, членами-корреспондентами, родоначальниками новых научных школ. «Лузин многих из нас не только научил одержимости в достижении намеченной цели, но показал также, как надо увлекать молодежь на научный подвиг», – писал в «Опытах жизни» Лаврентьев.

Одержимость в достижении цели академику тоже была близка. В этом, может быть, и кроется разгадка того, как на пустом месте одним волевым решением ему удалось создать явление мирового значения – Академгородок, в котором жили почти одни только ученые и сосредоточилось такое количество научно-исследовательских институтов самых разных направлений, что их хватило бы на несколько маленьких государств, где научные открытия сыпались как из рога изобилия, где была особая, ни с чем не сравнимая атмосфера дружбы, интеллекта, интеллигентности и преданности делу.

Как отмечал сын Лаврентьева, Михаил Михайлович (тоже академик, математик с мировым именем, один из создателей теории обратных и некорректных задач, основатель научной школы), идея о Сибирском отделении АН СССР родилась в 1956 г. во время встреч в академическом дачном поселке Мозжинка под Москвой трех академиков: его отца, Христиановича и Соболева. Тогда ученые все более утверждались в мысли, что Сибирь – благодатное место для развития науки и ее прикладных аспектов, что настало время двинуть большую науку на

восток. Самое удивительное, что поехать в Сибирь и участвовать в создании нового научного центра выразили желание многие крупные ученые. Однако скептиков тоже было немало. «Я зашел к А. Н. Несмеянову (тогда президент АН СССР) и рассказал о сибирских планах, – вспоминал Лаврентьев. – Несмеянов: “Никто не поедет”. Я назвал четверых. Когда назвал пятого, Несмеянов сказал: “Что Вы говорите, а я считал его умным человеком...”»

Избушка лесника

18 мая 1957 г. было принято постановление Совета министров о создании Сибирского отделения АН СССР. Одними из первых объектов Академгородка стали деревянный дом и бараки, куда осенью 1958 г. переехали Лаврентьев, его семья и ученики. Ученые жили в Волчьем Логе, переименованном новоселами в Золотую долину. На месте будущего научного центра были поля и леса.

«Занимались мы... дома и жили, по существу, коммуной, – рассказывала Наталья Притвиц. – Была у нас маленькая столовая, но по воскресеньям она не работала, и каждый выходной Лаврентьев приглашал молодежь, человек пять холостяков, к себе на обед. Вера Евгеньевна очень хорошо готовила и была очень гостеприимна. Она родилась в Цюрихе: ее мать была крупным ученым-биологом, а в дореволюционное время женщинам запрещали преподавать в университетах. У нее не было перспектив, она уехала за границу. Какое-то время жила в Америке, где была профессором Колумбийского университета. В США у Веры Евгеньевны состоялся первый брак. В 1926 г. мать Веры Евгеньевны вернулась на родину, и ей предложили организовать биологический институт в Москве. Вера Евгеньевна с маленьким сыном тоже приехала, в Москве познакомилась с Лаврентьевым, и они поженились. У них родились двое детей – сын Михаил и дочь Вера. Удивительная она была женщина, владела несколькими европейскими языками. Тогда в Золотой долине обеды, в которых было и первое, и второе, чай с чем-нибудь, она готовила на электроплите. И, знаете, не разрешала молодежи мыть посуду. А ведь горячей воды не было, и воду привозили в цистернах, а иногда из реки брали.

Первые года два в домике лесника мы встречали Новый год. Лаврентьев очень любил молодежь, много отдавал ей времени. Бывало, скажет: “Давайте я вас покатаю”, заведет свою “Волгу”, мы привяжем к ней веревку – и катимся на лыжах! Эту “Волгу” он продал, чтобы свозить своих детей в Париж. В 1964 г. Вера Евгеньевна ему сказала: дети (имея в виду всех нас) сидят, ничего не видят, свози их во Францию. И он организовал небывалую по тем временам поездку. Путевка, конечно, стоила больших денег, вот я тоже тогда у академика Кочиной занимала, а Михаил Алексеевич продал свою машину. И вот когда мы готовились ехать, Вера Евгеньевна занималась с нами французским. Во Франции Лаврентьев нам сказал: “У вас не будет стандартной туристической поездки”. И сводил нас в ONERA, французский авиационно-космический центр, где его знали как ученого и нас приняли как самых дорогих гостей. Водил он нас даже в Казино де Пари! Там мы впервые увидели стриптиз. А с нами всюду ходил “представитель”. Он был в шоке, но возражать не смел: Лаврентьев – великий человек, что хотел, то и делал».

Между тем Академгородок уже гремел на весь мир. В нем перебивало множество знаменитостей и власть имущих. Нил Армстронг, человек, первым ступивший на Луну, иранский шах, французские президенты Шарль де Голь и Помпиду. Хрущев приезжал не раз – причем бывал не только в городке, но и в домике лесника, где продолжал жить академик, хотя его гораздо менее именитые коллеги получали квартиры и покидали временные пристанища. Однажды Никита Сергеевич с трибуны заявил: мол, Лаврентьев живет в такой избушке, в которой зимой окна подушками от стужи закрывают! И Деду (именно так Михаила Алексеевича называли в Академгородке) неподалеку построили двухэтажный коттедж. Но академик привыкнуть к новым стенам не смог и вскоре вернулся в прежнее жилище. Сегодня в этом первом сооружении городка живет внук ученого – Михаил Михайлович Лаврентьев-младший.

Кстати, Академгородок строился очень быстро – этим занималось могучее Министерство среднего машиностроения. А когда город объявили комсомольской стройкой, туда потянулась молодежь. Параллельно с работой на стройке юноши и девушки учились на подготовительных курсах, организованных учеными, и поступали в отрывшийся в 1959 г. новосибирский университет. Например, Валерий Ермиков, ныне заместитель главного ученого секретаря СО РАН, приехал строить научный центр из села в Тюменской области. Вдохновила его на такой шаг статья в «Огоньке» – и, кстати, не только его: на комсомольскую стройку приехали 28 выпускников той же школы, из трех параллельных классов!

В 1963 г. в городке прошел первый советско-американский математический симпозиум, который посетили светила науки из США. Гости были потрясены: такой молодой город, а уже есть прекрасные результаты. Ученые отшучивались – мол, такие результаты объяснить нетрудно: в городке, кроме науки, просто нечем заняться!

Симпозиум стал звездным часом Академгородка. Позже профессор Рихард Курант, знаменитый американский математик, писал президенту АН СССР Мстиславу Келдышу: «Мы были глубоко поражены очень высоким уровнем и важностью научных достижений наших советских коллег не только в области собственно математики, но даже в области ядерной физики, физики плазмы, вычислительной техники, а также всей совокупности наук, представленных в Новосибирске. Что касается меня, то создание этого научного центра представляется мне историческим актом огромного значения как в научном отношении, так и с точки зрения просвещенности, актом государственной мудрости, задуманным и осуществленным дальновидными, смелыми и мужественными людьми, среди которых я позволю себе отдать пальму первенства профессору Лаврентьеву».

Династия Лаврентьевых

«Трудно объяснить, почему у нас потомственная тяга к математике, – рассказывал Михаил Михайлович Лаврентьев, внук академика. – Но династия действительно есть. На меня, например, повлиял совершенно особый климат Академгородка. На картах, которые издаются в США, Академгородок обозначается как отдельный город, и это имеет под собой основания: здесь другие лица, особая атмосфера. Для тех, кто здесь вырос, карьера в науке и высокотехнологичных компаниях является совершенно естественной. Мы впитывали этот воздух, и для нас главная ценность в жизни – сделать что-то новое».

О Лаврентьеве-младшем говорят, что это не тот случай, когда «природа на детях отдыхает». Молодому ученому много раз предлагали работу за границей, в частности в те времена, когда наука финансировалась очень плохо, а перспективы были неясны. Но Михаил Михайлович не уехал: «Фамилия моего деда накладывает на меня обязательства. Я считал, что не могу себе позволить продолжать свою деятельность в более комфортных условиях и бросить такое место, которое создавал мой дед. И я, безусловно, чувствую гордость, что дед оставил такой след».

Самая «научная» улица в мире, на которой находится самое большое количество НИИ, находится в новосибирском Академгородке и носит имя академика Лаврентьева. «Лаврентьев принес в Сибирь большую науку, – отметила Наталья Притвиц. – В этом его ни с чем не сравнимая заслуга. Сейчас я, прожив жизнь, наблюдаю, как трудно вытащить что-то из центра на периферию, наоборот, все едут в Москву. А он, крупный, состоявшийся ученый, приехал сюда, и за ним следом поехала научная элита. Он был боец по натуре. Его жена о нем говорила: когда все просто и легко, ему становится скучно».

Главную идею научного центра – гармоничное триединство науки, кадров и производства – обитатели Академгородка называли «треугольником Лаврентьева». «Время будет вносить определенные коррективы, – писал ученый 19 ноября 1979 г., меньше чем за год до смерти, – но принципы, доказавшие свою плодотворность, должны еще поработать и после нас».